

М ЛЕВИТТ

**ПАСКВИЛЬ, ПОЛЕМИКА, КРИТИКА:
«ПИСЬМО... ПИСАННОЕ ОТ ПРИЯТЕЛЯ
К ПРИЯТЕЛЮ» (1750) ТРЕДИАКОВСКОГО
И ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ**

Из многочисленных научных достижений П Н Беркова привлекает внимание его приоритет в постановке вопроса о «возникновении литературной критики как самостоятельного явления общественной жизни», и ему же принадлежит одна из первых попыток описать процесс развития русской критики в XVIII веке ¹

В любую эпоху понятие «критика» тесно связано с уровнем развития данной литературной системы, а литературная система в России XVIII века была переходной, быстро меняющейся

В качестве примера рассмотрим «Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении поныне на свет изданом от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю» (1750) В К Тредиаковского. На основании этой статьи П Н Берков назвал Тредиаковского «первым по времени русским критиком, который последовательно проводил в своей литературной практике теории французского классицизма». Ряд других ученых также считали эту работу «первой русской критической статьей» ². В отличие от таких литературных текстов, как

¹ Берков П Н Развитие русской критики в XVIII веке // История русской критики М, Л, 1958 Т 1 С 46

² Там же С 58. О влиянии французского классицизма на русскую критику см. Achinger G. Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts unter besonderer Berücksichtigung der Zeitschriften 1730–1780 Berlin, 1970. Ахингер называет «Письмо» Тредиаковского «die erste kritische Schrift in der russischen Literatur» (S 49). Первый издатель «Письма» А А Куник также считал его «первым опытом русской литературной критики» — см. Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке / Изд. А А Куник СПб, 1865 Т 2 С 436.

руководства по красноречию, эпиграммы, предисловия, или частные письма, содержащие критические «материалы», «Письмо» Тредиаковского полностью посвящено разбору литературных произведений, являясь, пожалуй, единственным опытом собственно литературного анализа текстов на протяжении всего XVIII века. Оно также примечательно как первая сознательная попытка (пусть и неудачная) создания литературной критики и может служить наглядным примером трудностей, связанных с разработкой критического этикета. П. Н. Берков указал на жанровую проблематичность этого произведения, отказав «Письму» Тредиаковского в статусе не только «критики», но и «полемики». Вот его соображения по этому поводу: «Оно очень характерно как образец критических суждений Тредиаковского, но не представляет органического звена в литературной полемике его времени: официальное по своему происхождению и вызванное едва ли не лукавством Г. Н. Теплова, бывшего тогда в хороших отношениях с Сумароковым, „Письмо к приятелю“ пролежало больше столетия в архиве Академии наук и в современной своему возникновению литературе отклика не вызвало. Правда, оно стало известно Сумарокову, и тот возразил на него особой статьей — „Ответ на критику“, но и эта статья, надо полагать, была пущена в обращение только в первом издании сочинений Сумарокова, выпущенном Новиковым в 1781 г. Возможно, оба эти произведения были известны очень узкому кругу в сравнительно небольшой массе тогдашних читателей <...> Однако приходится повторить, что полемическое по своему содержанию „Письмо“ Тредиаковского и „Ответ“ Сумарокова по функции своей не оказались полемическими. Это заставляет обойти его молчанием при рассмотрении фактов подлинной публичной полемики той эпохи».³

Этот отрывок примечателен поднятыми в нем интересными вопросами. Таково, например, представление ученого о надлежащей «функции» критики и о том, что есть «подлинная публичная полемика».

Целью предлагаемых ниже соображений является попытка разобраться в существенном вопросе, поставленном П. Н. Берковым, по-видимому, впервые: каково было положение литературной критики в XVIII веке, и если ее вообще не существовало, а было нечто среднее между «полемикой» и «литературной войной»,⁴ то по-

³ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1760. М., 1936. С. 95.

⁴ См.: Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х — начале 1750-х годов // Russian Literature [North Holland]. 1992. Т. 31. Р. 133–272.

чему и в чем эти виды литературной деятельности не смогли выполнить функции критики?

«Письмо» Тредиаковского было создано в период, когда литературная критика еще не «сделалась < > специфической отраслью литературы» и «самостоятельным явлением общественной жизни»,⁵ и в среде, где ее приемы и даже право на существование еще не установились. Для автора это был первый шаг, полный риска. Вспомним исторические обстоятельства. Во-первых, Тредиаковский выступил против своего явного литературного противника. Их конфликт обострялся тем, что оба боролись за звание «отца русского стихотворства» (слова Тредиаковского). Хотя их литературные программы были в сущности очень близки, каждый стремился утвердить свою позицию как единственно достойную и допустимую. К несчастью, все три ведущих поэта эпохи, Тредиаковский, Сумароков и Ломоносов, часто имели возможность препятствовать публикации сочинений друг друга. Споры Тредиаковского и Ломоносова о первенстве введения силлабо-тоники хорошо известны.⁶ Сумароков включился в публичное состязание в 1744 г., когда все три поэта совместно, но анонимно издали три версии переложения 143-го псалма.⁷ Конфликт между ними обострился, когда Сумароков отдал пьесу «Гамлет» и «Две эпистолы» для напечатания в Академической типографии, а Тредиаковский и Ломоносов были назначены цензорами.⁸ Ломоносов

⁵ См. *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века М., Л., 1959. С. 17, *Берков П. Н.* Развитие русской критики в XVIII веке С. 46. См. также *Гуковский Г. А.* Русская литературно-критическая мысль в 1730–1750 годы // XVIII век М., Л., 1962. Сб. 5. С. 98–128, Очерки истории русской литературной критики СПб., 1999. Т. 1. XVIII — первая четверть XIX в. С. 37–94.

⁶ См. *Клейн И.* Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте // XVIII век СПб., 1995. Сб. 19. С. 15–42.

⁷ См. *Гуковский Г. А.* К вопросу о русском классицизме (Состязания и переводы) // Поэтика Л., 1928. Т. 4. С. 126–148 (переизд. Munich 1970), *Jensen K. B., Moller P. U.* Paraphrase and Style. A Stylistic Analysis of Trediakovskij's, Lomonosov's and Sumarokov's Paraphrases of the 143rd Psalm // Scando-Slavica 1970 Vol. 16. P. 57–73, *Шишкин А. Б.* Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век Л., 1983. Сб. 14. С. 232–246.

⁸ См. *Пекарский П.* История императорской Академии наук СПб., 1873. Т. 2. С. 129–133, 151–154, *Левитт М.* 1) К истории текста «Двух эпистол» А. П. Сумарокова // Маргиналии русских писателей XVIII века СПб., 1994. С. 16–32, 2) Sumarokov's Russianized «Hamlet» Texts and Contexts // The Slavic and East European Journal 1994 Vol. 38, № 2. P. 319–341.

одобрил эти произведения (возможно, потому, что он заключил временный тактический союз с Сумароковым против третьего члена триумvirата),⁹ тогда как Тредиаковскому «Гамлет» не понравился, преимущественно по стилистическим соображениям, а изданию двух эпистол он хотел помешать из-за сатирических стрел против него самого. К большому огорчению Тредиаковского, Сумароков не только сумел напечатать свои произведения вопреки его отзывам, но и включил в печатный вариант эпистол новые насмешки над ним «это, пожалуй, единственный случай, когда число мест, вызывающих возражения, увеличилось из-за цензуры, а не наоборот»¹⁰ Кроме того, Сумароков публично высмеял Тредиаковского на сцене, выставив его в виде смешного педанта в своей первой комедии «Тресотиниус»

В начале «Письма» Тредиаковский с раздражением констатировал, что автор этой комедии «не токмо не рассудил за благо от тех („обид и язвительств“ своих прежних сочинений — *М Л*) унять, но еще оныя и отчасу больше и несноснейше ныне умножил»¹¹ Он заявил, что комедия была «сочинена только для того, чтоб ей быть не язвительною токмо, но и почитай убийственною чести сатирую, или лучше, новым, но точным пасквилем, чего впрочем на театре во всем свете не бывает ибо комедия делается для исправления нравов в целом обществе, а не для избиения чести в некотором человеке» (437–438) Итак, первым побуждением к написанию «Письма» явилось желание публично ответить на клевету против «некоторого (т е частного — *М Л*) человека» перед «обществом читателей» (437) Проблема в том, что этим частным человеком был сам Тредиаковский

Он остро чувствовал явную пристрастность своего «Письма», которое в первом же предложении определил как «апологетическое и критическое» Эта авторская поза — будто бы «Письмо» написано анонимно, «от приятеля к приятелю», как защита «общего нашего друга» — никого не обманула В донесении к президенту Академии К Г Разумовскому от 8 марта 1751 г Тредиаковский заявил, что он писал письмо «по приказу бывшего академического асессора Григорья Теплова» (436), но здесь вряд ли можно усмотреть какую бы то ни было «официальную» мотивацию

⁹ См. Гринберг М С Успенский Б А Литературная война Тредиаковского и Сумарокова С 147

¹⁰ Левитт М К истории текста «Двух эпистол» А П Сумарокова С 21

¹¹ Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII веке Изд А Куник СПб, 1865 Т 2 С 437 Далее ссылки на это издание, где впервые опубликовано «Письмо», даются в тексте

вировку. Роль и побуждения Теплова сомнительны. Он сам участвовал в литературных спорах того времени и скоро стал ярким противником Тредиаковского.¹² Никаких следов официальности нет в самом «Письме» как документе, и вообще, никакой «официальной» (или иной) литературной критики тогда еще не существовало; утверждение о заказном характере «Письма» является, таким образом, еще и попыткой самозащиты. Но, с нашей точки зрения, не это главное. Важна сама проблема создания литературной критики. Здесь примечателен не столько прием написания анонимного письма от имени друга (довольно обычный и в европейской, и в более поздней русской традиции), сколько то, что Тредиаковский не справился с сохранением иллюзии анонимности. В его «Письме» постоянно обнаруживается затронутое авторское самолюбие, губя самую цель его сочинения.

Личная заинтересованность Тредиаковского не только обнаруживает специфику литературной жизни России середины века, но связана и с более общей проблемой утверждения прав «частного» голоса в публичной сфере. Этот момент представляет большой политический, психологический, и общекультурный теоретический интерес.¹³

В абсолютистской России словесность понималась как государственная служба и отражала государственные политику и идеалы.¹⁴ Позиция Тредиаковского оказалась сложной и даже противоречивой. Он отказал Сумарокову в праве публично огласить свое личное мнение, в то время как сам пытался спасти репутацию, высказав собственную точку зрения. Речь шла о допустимых пределах публичной сферы. Возражая против права комедии (и в меньшей степени эпистолы) приобрести функции сатиры, Тредиаковский противился также смешению границ между публичной и частной сферами. Можно предположить, что цель «Письма» была «полуофициальной» в том смысле, что Тредиаковский, обвинив Сумарокова едва ли не в крамоле, хотел навлечь

¹² См.: Пекарский П. История императорской Академии наук. Т. 2. С. 188–197. П. П. Пекарский считает, что Теплов приказал Тредиаковскому написать «Письмо» «конечно (!) в видах подзадорить обоих литературных противников и тем потешить тех, кто знал их» (С. 152).

¹³ См.: Habermas J. *Strukturwandel der Öffentlichkeit*. Darmstadt, 1962; Мотрошилова Н. В. О лекциях Ю. Хабермаса в Москве и об основных понятиях его концепции // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель, 1992). М., 1992. С. 115–174.

¹⁴ Тредиаковский был преданным приверженцем просвещенного абсолютизма, что в, частности, нашло отражение в его предисловии к переводу «Аргениды» Дж. Барклая (1751).

на него недовольство властей. Этот эпизод был первым раундом в собственно политическом конфликте по вопросу о допустимости личной сатиры, конфликте, который продолжал развиваться во второй половине века (в особенности в спорах вокруг сатирических журналов).

В нападках Тредиаковского на Сумарокова ощущается не только стремление к самозащите, но и страх перед выходом в еще незнакомую публичную сферу. Ввиду почти полного отсутствия критического дискурса в России той эпохи подобный отзыв о Сумарокове, пусть и анонимный, мог сыграть роль политического доноса. Как писал К. Папмел, «в течение практически всей первой половины <XVIII> века и буква закона, и административная практика были прямо враждебны всякой форме независимого самовыражения».¹⁵ Через несколько лет, когда неприязнь Тредиаковского к Сумарокову и к своим противникам в Академии еще более усилилась и он все более чувствовал себя в изоляции, он прибег к таким мерам, как прямой «извет» (донос) на Сумарокова святому Синоду и «подметное письмо», т. е. старый анонимный политический донос времен Петра I.¹⁶ Но эти попытки воспользоваться авторитарными приемами лишь еще более подорвали его позицию.

Вообще, для русского классицизма и критика, и литература, по словам Г. А. Гуковского, сами по себе являлись «эстетическим воплощением идеи государственной дисциплины»,¹⁷ т. е. никакого разрыва между частными и государственными интересами еще не чувствовалось. По тогдашним понятиям, литература, как и государство, которому она служила, управлялись идеальными, обязательными, нормативными законами. Г. А. Гуковский писал, возможно имея в виду именно «Письмо» Тредиаковского: «Никогда в другое время критика не походила в такой мере на судебный процесс, где судья сурово, решительно и безапелляционно изрекает приговор, продиктованный статьями кодекса, не им созданного, но для него обязательного и даже священного».¹⁸ Вера в та-

¹⁵ *Pampehl K. A. Freedom of Expression in Eighteenth-Century Russia. The Hague, 1971. P. 6.*

¹⁶ См.: *Пекарский П.* История императорской Академии наук. С. 188–199, 546; *Григорович Н.* Извет Третьяковского (sic!) на Сумарокова // *Русский архив.* 1907. № 12. С. 460–462.

¹⁷ *Гуковский Г. А.* Русская литературно-критическая мысль в 1730–1750 годы. С. 126. Гуковский пишет, что в 1730–1750-е годы «литература — не частное дело; меньше всего она соотносится со стремлениями отдельных лиц <...> Она возникает и существует, или, точнее, должна существовать, в меру своей государственной пользы» (там же. С. 117).

¹⁸ Там же.

кой объективный кодекс поднимала второстепенные разногласия до уровня неизбежных столкновений с безусловными истинами. Вторжение в литературу частного элемента (по словам Тредиаковского, «подлых страстей» Сумарокова) казалось чуть ли не государственным преступлением. По тем же причинам личностный элемент был недопустим и в критике, поскольку писатель-классицист писал не от собственного имени, а от лица вечных норм и правил. Таким образом, Тредиаковский оказался в противоречивой позиции: свой личный интерес он должен был отстаивать во имя сверхличного и абсолютного.

По мнению Тредиаковского, сатира Сумарокова пагубно смешала границы между частной и публичной сферами, утверждая публичную силу и правоту его личных (ложных) мнений. Тредиаковский настаивает на своем беспристрастии, но почти одновременно сам нападает «на лицо» упоминает рыжие волосы Сумарокова, его нервный тик и т. п. «В ответе на критику» Сумароков ловко спародировал такие критические приемы: *«Не дивлюсь, что поступка нашего автора безмерно сходствует с цветом его волос, с движением очей, с обращением языка и с биением сердца»*. О каком он говорит биении сердца, того я не понимаю, Впрочем сия новомодная критика очень преславна!¹⁹

Авторитарный дискурс и его бинарная аксиология²⁰ оказали большое влияние на язык Тредиаковского, где встречаются такие юридические и политические термины, как «суд», «приговор», «самозванство». Заметно и влияние более старых, православных, образцов полемики.²¹ «Письмо» Тредиаковского является наглядным примером проекции старой средневековой религиозной полемики на якобы новую европейскую модель. Отклонения от эстетической нормы классицизма расцениваются как «грехи», «погрешности», «пороки», «страсти», «неправоверие» и т. п. Сумароков сравнивается с раскольником, причем личные пороки автора — «несносное тщеславие» и «самохвальство» определяют, по мнению Тредиаковского, его литературный уровень. Критик частично извиняет Сумарокова за его самый главный порок — невежество, незнание в первую очередь церковных книг и церковнославянского языка, но также и древних языков и множества других необходимых поэту областей (450). Тредиаковский нападает на

¹⁹ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. М., 1782. Т. 10. С. 105.

²⁰ См. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1977. № 28. С. 3–36.

²¹ Егоров Б. О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. Л., 1980. С. 42–43.

Сумарокова с позиции рационалистического и классицистического пуризма. Его программа в основном идентична сумароковской, но более строга.²² Он нападает на человека, выдающего себя за «русского Буало» и законодателя литературы, подчеркивая, что он, Тредиаковский, еще строже и правильнее относится к правилам Французским образцам и французским переводам классиков, на которые опирается Сумароков, противопоставляются «подлинные» классики античной и православной традиции.

Приравнивание церковнославянских книг к античной классике являлось важным пунктом в новой концепции «славенороссийского» литературного языка середины XVIII века, хотя эти две традиции не всегда уживались друг с другом.²³ Так, Тредиаковский порой сомневается в совместимости классической мифологии и православных ценностей. В отличие от Сумарокова, который был дворянином и выпускником Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, Тредиаковский был сыном священника и выпускником Московской славяно-греко-латинской академии, и в «Письме» эта общая культурная разница чувствуется достаточно сильно. Автор «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» (1735) сам защищал употребление мифологических образов в поэзии, но когда за использование аналогичных образов в панегирической оде он нападает в «Письме» на Сумарокова, стараясь бросить тень на его религиозную и политическую благонадежность, параллели между политическими, философскими и эстетическими «архаизмами» Тредиаковского выступают с поразительной ясностью.

То, что Тредиаковский обвиняет Сумарокова прежде всего в невежестве (и в недопонимании значения этого недостатка), немного смягчает инквизиторский пафос его филиппики. Но в то же время Тредиаковский апеллирует и к совсем другой модели «православного» дискурса. С одной стороны, бинарная «средневековая» модель проецируется на классицизм, чтобы показать «порочность»

²² О программе языкового пуризма см. *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка (XVIII — начало XIX века) М., 1985. С. 166, *Живов В. М.* Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1990. Гл. 2. О близости программ Сумарокова и Тредиаковского см. *Левитт М.* Sumarokov's Russianized «Hamlet». Р. 327, *Гринберг М. С.*, *Успенский Б. А.* Литературная война Тредиаковского и Сумарокова. С. 198–201 и 214–216 (там же — подробное сопоставление языковых программ Сумарокова и Тредиаковского).

²³ См. *Живов В. М.* Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. Гл. 2.

взглядов его противника-еретика. С другой — Тредиakovский взывает к Евангелию как к альтернативной парадигме некритического дискурса, основанной на принципе «Не судите, да не судимы будете». Детальный критический разбор сочинений Сумарокова доказывает, по словам Тредиakovского, что «никому меньше, как Автору, по справедливости, можно смеяться над другими, и еще их несносно ругать и язвить. Весьма ему приличны слова Христа Спасителя нашего: *врачу, исцелися сам: сучец во очеси брата твоего зриши себе же бревна не чуеши*» (452). Осудив Сумарокова за якобы кощунственное употребление слов Евангелия в «Тресотиниусе», Тредиakovский добавляет: «. . . я здесь, где нет ни малого скороморощества, не могуль дерзнуть тож зделать, но с благоговением, и привест в мое утешение из тогож Спасительного Евангелия речи, именном, *претерпевый до конца, той спасен будет*». (440). Это одновременно и самозащита, и отрицание критики как таковой; Тредиakovский апеллирует к другому, Высшему, суду. Здесь, как и в последующей традиции русской критики, цитирование Евангелия играет двоякую роль: и как некое абсолютное нравственное мерило, и как идеал «несудебной», неосуждающей критики (т. е., по сути дела, отсутствия критики).

Но Тредиakovский подрывает доверие к такой «некритической» критике самим характером собственного «Письма». Пристрастность и явные передержки ставят под сомнение даже самые справедливые его замечания по поводу слабостей произведений Сумарокова. Тредиakovский-апологет пересиливает Тредиakovско-го-судью. В своей заключительной тираде он, в частности, говорит: «Видели мы, Государь мой, что сия Автора ода порочна сочинением, пуста разумом, темна и обоюдна составом слов, ниска безразборными речами, ложна повествованием бывших дел, непорядочна, наполнена без нужды повторением тех же самых слов, неисправна в мере стихов, безрассудна в употреблении баснословия, напоследок, а сие всего прочего хуже, отчасти и неправоверна» (471). Подобных примеров можно привести множество.

«Письмо. . . писанное от приятеля к приятелю» Тредиakovского хорошо отражает проблемы, связанные с возникновением новой литературы без помощи «подлинной», независимой литературной критики. Тредиakovский не смог выйти за пределы своей собственной заинтересованности. Классицизм как система нормативных правил нашел для себя готовую почву в России, где господствовали традиции политического и религиозного абсолютизма, и нужны были время и новые институты литературы, чтобы создать новое литературное пространство и новые способы обмена мнениями. Этим пространством в дальнейшем стали театр,

журналистика, книгопечатание, читающая публика и критика. Как отметил П. Н. Берков, ни «Письмо» Тредиаковского, ни «Ответ на критику» Сумарокова не увидели свет при жизни авторов. Это происходило, скорее всего, в результате последовательного неодобрения Академией наук «неблагопристойной» полемики и недопущения ее в печать. Однако есть доказательства, что оба текста были известны современникам (хотя бы, по словам П. Н. Беркова, «очень узкому кругу в сравнительно небольшой массе тогдашних читателей»). «Письмо» было достаточно известно театрам, чтобы они могли понять намеки и пародийные цитаты из него в следующей сумароковской комедии — «Чудовищи» (позже переименованной в «Третейный суд»), в которой Тредиаковский пародировался в лице педанта Критициондиуса. Само это имя указывало на «Письмо» — М. С. Гринберг и Б. А. Успенский прямо называют пьесу «антикритическим сочинением».²⁴

Тредиаковский остро почувствовал на себе всю тяжесть сумароковской сатиры и хорошо осознал уязвимость литератора в русском обществе. Причину ее он видел, в частности, в отсутствии посредствующей литературной критики и сам взялся восполнить этот пробел. Он видел опасность не только в неограниченном самолюбии Сумарокова, но и в его зависимости от пристрастных поклонников, которые не могли не оказать отрицательное влияние на его творчество. Тредиаковский писал: «Весьма он был щаслив, ежелиб по крайней мере [он] мог усматривать, кто как и каким духом его хвалят. Ибо есть, как вероятно, кои сами не знают, что в сочинении его хвалят. Есть может быть, кои то делают лесть нарочно, дабы его приводить к большему себя оказанию, и чрез тоб чаще иметь себе причину к смеху. Наконец, думаю что есть и такие, кои ненавидя его похваляют, дабы ободряющею своею похвалою возбудить его к явнейшей нерассудности, и тем бы его или погубить, или по крайней мере привести в напасть и бедство» (453). Жертвой постоянной междоусобицы обоих поэтов стали их собственные репутации, которые они так

²⁴ Видимо, прочитав «Письмо», Сумароков добавил две сцены «которые содержат непосредственную перекличку с „Письмом от приятеля к приятелю. . .“ и тем самым однозначно связывают образ действующего в комедии педанта Критициондиуса с личностью Тредиаковского». См.: Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова. . . С. 183. Ю. В. Стенник также констатирует, что «подавляющая часть сатирических насмешек над Критициондиусом в комедии связана с содержанием этой статьи» — см.: Сумароков А. П. Драматические сочинения / Сост., автор вступ. ст. и примеч. Ю. В. Стенник. Л., 1990. С. 470.

обоюдно и усердно старались опорочить Их неспособность создать «подлинную критику», плохо сказалась и на их судьбах как писателей (оба умерли в бедности и опале, став в какой-то мере жертвами собственного самолюбия)²⁵ Неспособность выработать «дискурсивное пространство», в котором мог бы происходить обмен мнениями, определила также параметры дальнейшего развития критики, сыграв важную отрицательную роль. Полемика Тредиаковского и Сумарокова стала поучительным примером того, какой критика быть не должна.

В 1792 г. В. С. Подшивалов опубликовал в «Московском журнале» Н. М. Карамзина рецензию на книгу древнегреческого писателя Палефата (Palaephatus) в переводе Ф. О. Туманского. В письме к редактору Туманский поставил под сомнение право редактора на публикацию такого рода критики. Возражения Туманского являются как бы списком причин, мешающих становлению литературной критики: «Судей есть два рода: от власти определяемые или избираемые. Не принадлежащие к сим двум суть самозванцы. Не судите, да не судимы будете < > Частных людей суждения, в газетах, журналах и пр. сообщаемые, никогда от людей умных уважаемы не были, известно, что они за подарки истощевают все хвалы, по пристрастию, самолюбию, личной ссоре или зависти выискивают все способы унижить труды чуждые. Г. Сумароков соделался судиею г. Ломоносова, на него творения писал критику г. Тредиаковский, потомство, узнав, что зависть была причиною их суждения, осудило обоих»²⁶ Во-первых, Туманский не признает за частными лицами *политического права* на критическую деятельность, это право либо исходит прямо от «власти», либо делегируется (путем избрания), в остальных случаях критика является «самозванством». Во-вторых, Евангелие также утверждает отсутствие права на личные суждения (суждение принадлежит Богу, а не индивидууму) и отождествляет критику с *нравственным* злом. В-третьих, Туманский отрицает за *институтом* журнальной критики способность быть беспристрастным, он испорчен или патронажем («за подарки истощевают все хвалы»), или личными, частными интересами. Наконец, он описывает проблему *исторически*, напоминая о борьбе между Тредиаковским, Сумароковым и Ломоносовым и как бы предостерегая против опасностей литературной критики, приведшей к осуждению потомства.

²⁵ Сумароковские насмешки над Тредиаковским приводили к созданию образа-мифа о нем как о «шуте новой русской литературы». См. *Reyfsman I. Vasilii Trediakovsky The Fool of the «New» Russian Literature* Stanford, 1991.

²⁶ Цит. по: *Егоров Б.* О мастерстве литературной критики. С. 48.